

* * *

У российского коммерсанта почти нет выходных и праздников. Магазины нужно держать под ежедневным контролем. Стоит чуть ослабить вожжи – продавцы тут же норовят отбиться от рук.

Когда Салават беспробудно пил после семейных разборок из-за связи с Зульфией, то дела его понесли значительный урон. После той сумятицы он с трудом восстановил бизнес.

Вот и сегодня, несмотря на воскресный день, он объехал магазины и, немного отдохнув, встал под канал.

Несколько минут слушал музыку. Затем стал непроизвольно двигаться. Чуть погодя, плавно перешёл к дыхательным упражнениям. Заставляли дышать по-разному: делать по пять-шесть коротких и резких вдохов, а на седьмой раз – глубокий длинный вдох. Салават прежде где-то читал, что йоги и тибетские монахи тоже занимаются дыхательными упражнениями.

Вот его мягко понудили выполнить упражнения на растяжку рук и ног, затем, начиная с плеч и груди, звонко похлопывать по всему телу ладонями. Потом заставили тереть руками все тело от макушки до пяток.

Немного погодя его наклонили, и он стал имитировать, будто зачерпывает ладонью воду из родника и «омывает» лицо, голову, шею.

Выпрямившись, заметил пылающий цветок, который потихоньку превратился в огонь. «Не огненный ли это цветок зороастризма?» – подумал Салават. Очень размыто показали Иисуса Христа, промелькнул образ Мариам-ана – Девы Марии.

Желая вновь увидеть птицу Хумай, Салават пытался ее представить. Но все было тщетно. Отчего-то заставили долго тереть шею в области горла. Салават истолковал так: когда он путался с Зульфией, пристрастился к спиртному, – это и лечат...

Заставив похлопать себя правой рукой в грудь, дали намек на его некоторое тщеславие.

Похоже, сегодня был сеанс замечаний – несколько раз заставив поводить рукой по животу, покритиковали его за излишний аппетит.

Салавата, конечно, не назовешь обжорой, да и полнотой не страдает. Но, пожалуй, они знают лучше, на что указать. Что ни говори, жадность человеческая – тоже низменная страсть.

По поводу пищи он согласен с бабушкой Гульфаризой: каждый рождается на свет со своим ризык и съест за жизнь столько, сколько предназначено. Иссякнет предназначенная пища – человек уходит в иной мир.

Снова вспомнилась госпиталь.

«Выстрелы» нерва, наконец, прекратились. Во время очередного обхода заведующий отделением задал Николаю Михайловичу вопрос:

– Как там Байгазин?

– Кисть руки восстанавливается, левое бедро потихоньку вытягиваем. Но до сих пор не можем вставить на место правую бедренную кость в области осколочного перелома, а время идет...

– Что предлагаешь?

– Надо сделать операцию: забить штырь в центр бедренной кости со стороны таза.

Подумав немного, заведующий согласился с лечащим врачом Салавата:

– Готовьте к операции.

Военврач дал отмашку медсестре:

– Возьмите общие анализы.

Через пару дней Николай Михайлович заявил Салавату:

– Штырь вбивать не будем, анализы плоховаты. – Внимательно посмотрев рентгеновские снимки, как бы утешая, добавил: – Ладно, не волнуйся, установим аппарат Илизарова и вставим кость на место.

Наверное, к лучшему, что не стали вбивать штырь. Уж очень сложна эта операция. Для этого нужно разрезать плоть и вбить железяку со стороны таза в центр бедренной кости, чтобы вдеть на сталь и нижнюю часть бедра как на шампур, тем самым соединив конечность на месте перелома.

Установка аппарата Илизарова тоже оказалось делом нелегким. Салавата прикатили в операционный блок и уложили на стол, куда помещались лишь спина и голова. Под сломанный таз настроили и завинтили штуку размером с велосипедное сиденье. Широко раздвинув ноги, прикрепили стопы ремнями к специальным приспособлениям. Развели по сторонам руки и повязали. Ноги остались висеть в воздухе.

Запустив через капельницу наркоз по венам, врач-анестезиолог с целью оценки его самочувствия, перекинулся с ним парой фраз:

– Как себя чувствуешь, Байгазин?

– Нормально.

– Ноги не болят?

– Нет... – ответил Салават и потерял сознание.

Когда очнулся, лампы на потолке показались тусклыми пятнами. Помаленьку они становились все отчетливее и стали ослепительно яркими. У Салавата дико устала спина, еще сильнее ныли кости таза. Не было мочи терпеть.

Попробовав подвигать руками и ногами, вспомнил, что конечности связаны. Чуть приподняв голову, увидел: военврач Николай Михайлович с коллегой насквозь просверлил ногу электродрелью, пропустил через дырку спицу и стал крепить к корпусу аппарата Илизарова. Позвякивая, завинчивают гайки, как заправские сантехники. С обоих пот течет ручьем. Салават поглядел на ногу, протыканную спицами и напоминающую ежа, из груди вырвался стон. Бросив на него взгляд, Николай Михайлович сказал напарнику:

– Чуток не успели, проснулся.

– Видать, анестезиолог пожалел наркоза, – ответил ему коллега. Николай Михайлович обратился к Салавату:

– Как ты, Байгазин?

– Spина и таз устали сильно...

– Потерпи чуток, скоро закончим работу. – Николай Михайлович продолжил еще резвее закручивать гайки.

Пролежав минут двадцать со стиснутыми зубами, Салават не вытерпел:

– Ы-ы... когда же закончите?..

– Немного осталось. Терпи, солдат, – генералом будешь... – военврач повернулся к медсестре: – Вколоть промедол!

Укол немного облегчил боль.

Салавата отвезли в палату. Но какая-то деталь аппарата Илизарова так уперлась в бедро, а область колена будто горела.

Николай Михайлович во время утреннего обхода почувствовал неладное и поинтересовался: – Как самочувствие, Байгазин?

– Железяка давит ногу. А возле колена будто все горит.

Врач достал ключ и, заворачивая гайки, подправил аппарат. Затем специальной иглой начал касаться его правой ноги.

– Чувствуешь?

– Нет...

После установки аппарата Илизарова, хоть режь по живому, нога ничего не чувствует. Салават еще не понимает, чем это ему грозит, а капитан военно-медицинской службы пока старается не подавать виду.

Военврач вынул из ноги одну спицу аппарата. Но было поздно: нервы малоберцовой кости оказались крепко сжатыми между спицами и успели повредиться. Потерять чувствительность ноги означало ее лишиться и остаться навсегда лежащим больным. Однако Салават не подозревал о нависшей угрозе...

Военврач Васильев Николай Михайлович считался способным врачом-травматологом, поставившим на ноги многих людей. Но обе операции, подряд сделанные Салавату, дали обратный результат. В его практике еще не было такого случая. Он десятки раз ворошил бумаги Салавата, тщательно, до рези в глазах рассматривал и сравнивал рентгеновские снимки. Но, сколько бы ни ломал голову, не мог выяснить причину неудач.

Салавату же становилось хуже день ото дня. Приподняли медсестры злополучную правую ногу – кожа на сгибе колена покраснела. Прикоснулись щипцами с проспиртованным бинтом легонько – кожа тут же слезла. А задний подъем пятки уже осталась без кожи и виднелась кость. Эта напасть была смертельным врагом лежачих больных – пролежнем...

Если пролежней становится больше, они, как правило, ускоряют уход больного в иной мир. Потому как организм выдыхается, тратя все силы на борьбу с ними. Недавно солдат из их палаты, у которого увеличились такие пролежни, впал в уныние, перестал есть-пить, справлять нужду, все время лежал молча, глядя в потолок, и тихо умер.

Николай Михайлович был вконец озадачен: что за невезучий солдат этот Байгазин? Обе операции только ухудшили его состояние, что бы ему ни делали – все наперекосяк. Мало того, еще и пролежни начались.

Салавату обрабатывают и перевязывают пролежни каждый день. Что теперь проку. Поздно спохватились... Выяснилось: ткань подставки, на которой лежала нога, была с небольшой складкой (брак изготовителя). Эта-та складка в несколько сантиметров и загубила кожу под коленом...

К дыркам в ноге, просверленным под спицы аппарата, несколько раз в день прикладывают проспиртованные кусочки бинта. Но медсестра лишь чуточку оку-

нает марлечку в спирт, насухо выжимает пальцами и кладет к спицам в месте проколов. Ведь ей нужно сэкономить спирт и унести домой. А у Салавата вскоре один из проколов покраснел и опух.

Увидев очередной сюрприз, военврач Васильев зло усмехнулся: значит, инфекцию занесли. А она вызвала спицевой остиимелит – бедренная кость начнет гнить... Только этого не хватало, черт побери... Неужели перерастет в гангрену?.. Врач разозлился, заматерился про себя и с ожесточением подумал: начнется гангрена – переведут в гнойную хирургию, да оттяпают к такой-то матери...

Салават от невыносимых болей так исхудал – от него остались кожа да кости. Однажды, когда готов был лезть на стенку от мук, почему-то проплыли перед глазами величественные горы Афганистана. Он взял из тумбочки тетрадь и принялся торопливо набрасывать рисунки. Боль каким-то чудом уменьшилась...

Салават с головой окунулся в чудесный мир творчества: вдохновенно рисовал афганские этюды. Он переносил на бумагу хранившиеся в памяти виды Афганистана: горные цепи с облаками у вершин, бурную реку, устремившуюся вниз, ущелья, долины... Творческий азарт полностью охватил его, заставив забыть о страданиях и незавидном своём положении. Более того, он стал испытывать радость и высочайшие наслаждения. Сладчайшие муки творчества затмили даже муки телесные...

Начиная с того дня, как Салават дрожащими пальцами взял в руки карандаш и бумагу, он уверенно пошел на поправку. С помощью аппарата военврач Васильев поставил ему бедро на место. Хорошее приспособление изобрел доктор Илизаров, оно спасло Салавата от ампутации. Крепкий и молодой организм Салавата смог победить и коварные пролежни. Но на теле остались большие шрамы. Спустя три месяца аппарат сняли и сковали в гипс от груди до кончиков пальцев. Еще через сорок дней гипс убрали огромными ножницами для резки металла и перевели Салавата в отделение гнойной хирургии. Прав был Васильев: занесенная инфекция вызвала остеомиелит, и часть бедренной кости сгнила. Слишком дорого обошелся ему сэкономленный медсестрой спирт...

К счастью для Салавата, заведующий отделением хирургии, подполковник военно-медицинской службы Виталий Никитич Антонов оказался врачом с золотыми руками. Он провел операцию филигранно: вскрыв ногу, специальным молотком, зубилом отколол по кусочкам поврежденную часть бедренной кости.

Вместо удаленной части потихоньку вырос хрящ новой кости, разрезанная кожа затянулась. Конечно, после каждой операции изрезанные скальпелем раны болели по трое суток. Деваться некуда, приходилось терпеть.

Через несколько месяцев Салавата перевели в отделение нейрохирургии. После проверки чувствительности ноги электроаппаратом, военврачи вынесли вердикт: большому операция не поможет, его уже не удастся поставить на ноги.

Но подполковник военно-медицинской службы Рашид Губайдуллович Хайбуллин решил рискнуть. Мало того, он задумал оперировать одновременно обе ноги: зашить нерв малоберцовой кости левой и починить поврежденные при установке аппарата Илизарова нервы правой. Если получится – хлопнут двух зайцев одним выстрелом!

Провести разом две операции, как и выдержать их, – дело нешуточное. Салавату пришлось лежать под общим наркозом гораздо дольше. Потом с трудом пришел в себя. От невыносимой жажды губы и горло на этот раз еще сильнее пересохли, язык прилип к нёбу. Он слабо застонал и с благодарностью почувствовал, как к устам приложили смоченный обрывок бинта. Кусочек мокрой ткани подействовал словно долгожданный дождь на полусохшее растение.

Когда в Афганистане по несколько суток не спал и на изнурительных маршах иногда засыпал на ходу, был уверен, самое сладкое – это сон, когда приходилось голодать, решил, что самое вкусное – хлеб. Ан нет, оказывается, самое вкусное и драгоценное на свете – вода... Осознание сей истины стало очередным открытием для Салавата.

Военврач Хайбуллин не имеет ученых степеней, но он настоящий хирург. Позже Салавату делал операцию доктор медицинских наук, профессор, полковник медицинской службы Микиткин. Якобы используя собственный метод, пришил связки левой ноги. Потом Салават убедился, что было бы лучше, если бы эту работу самым простым, но надежным способом выполнил такой, как Хайбуллин – без всяких почетных званий, но Доктор от Бога...

Не все золото, что блестит и не всякое высокое звание – настоящее. Эту правду Салават познал на собственном теле.

Позже Микиткин предлагал:

– Аппарат Илизарова установили неправильно и повредили нервы. Поэтому искривилась стопа ноги. Если хочешь, попробую исправить: отрежу ахиллесово сухожилие, удлиню, сломаю и выпрямлю стопу...

Салават поспешил отказаться. Он уже знал: есть среди хирургов и такие, кому хлеба не надо, только дай поэкспериментировать на живых людях ради защиты диссертаций. Многие откровенно гоняются за числом выполненных операций. Зачем им это? Для авторитета или им платят исходя из количества операций? Например, чтобы установить аппарат Илизарова, Салавату сделали целых три операции! В первый раз просверлили восемь дырок для спиц, во второй – две, а в третий – всего одну спицу поставили! А ведь нужно готовиться к операции: нельзя ужинать и завтракать. Больного на несколько часов усыпляют, пустив через капельницу огромную дозу наркотиков, – он даже не чувствует, как его режут по живому. Затем в течение четырех дней колют наркотики по четыре раза в сутки, чтоб унять боль. Опять-таки стрессы, не проходящие бесследно. Да, многие испытывают страх перед операцией. А Салават решил для себя: нет смысла бояться. Если суждено умереть – от смерти не уйдешь. А остались годочки твои – будешь жить.

Достал уже его этот профессор: приходит с выводком курсантов-практикантов и, тыча в Салавата указкой, начинает талдычить, будто он для них подопытная собака Павлова или редкий музейный экспонат...

После операций Хайбуллина, равных высшему пилотажу, к правой ноге вернулась чувствительность. Честно говоря, Салават тому не особо обрадовался, так и не успев понять, насколько важным условием для возвращения к нормальной жизни является осязание.

И старшина Копытов не отдал его под трибунал, наоборот, подал рапорт о поощрении, и Салавата наградили орденом Красной Звезды. Получить орден, конечно, приятно, но безмерной радости он не испытывал. Потому что был полностью охвачен творческим вдохновением, выросшим крылья на его исхудавших плечах.

Какая еще на свете отрада может затмить удовольствие от получения ордена и даже облегчить муки телесные? Всевышний сотворил Адама по Своему образу и подобию. Наверное, это подобие кроется в способности человека к творчеству. Пишут, что все рождаются с каким-либо дарованием, к сожалению, не все могут раскрыть свой талант. А творчество, оказывается, есть наивысшее счастье и блаженство в этом мире. Понимание сего стало для Салавата самым большим духовным открытием на сегодняшний день. К творчеству он пришел через большие потери и тяжкие муки.

За два с половиной года Салават перенес под общим наркозом девять операций. Пережитых под местной анестезией даже не считал. Начиная с пятой операции, каждый раз заново учился ходить. Слава Аллаху, он остался жив и встал на ноги. Если судьба – человек выживает даже после такой мясорубки. Исыякнет отпущенная вода и отмеренный ризык – умирает и от незначительной раны или причины. Похоже, верно говаривала бабушка Гульфарица: человек рождается на белый свет с уже написанным на лбу такдир – роком. Но человек обязан стремиться к добру. Это и есть жизнь.

Лежать на спине больше года было тяжело. Спина устала невероятно. Будь он богачом – ради того, чтобы хоть немного полежать на боку, отдал бы половину богатства, будь царем – не пожалел бы полцарства... Но Салават не богач и не царь. Все его имущество нынче – орден Красной Звезды, удостоверение инвалида второй группы и костыли, прислоненные к кровати.

Он раньше даже не подозревал, что не только ходить на своих ногах, даже смочь повернуться на бок, еще насущнее – по-людски справить нужду – само по себе огромное счастье...

Как же удалось Салавату вынести нестерпимые муки?.. Оказалось, многое может выдюжить человек, как и привыкнуть к любым условиям. Но он и самому заключателю врагу не пожелает мучений, пережитых в госпиталях...

«За какие грехи обрек меня Всевышний на такие муки телесные?» Салават много раз задавал себе этот вопрос. Только не находил ответа.

Велико милосердие Всевышнего. Он пришел к такому выводу после долгих раздумий. Подробно расспрашивал у товарищей в госпиталях и узнал: никто не чувствовал боли при ранении. Даже умирая, сосед по койке прошептал: «Какие красивые девушки!». С улыбкой на устах. Мечтал он о девчатах. Признался Салавату по секрету, что не познал еще ни одной. Второй ушел на тот свет со словами: «Вот и прилетели мои голуби...» Выходит, в последние мгновения жизни они видели именно то, что любили...

Еще одну милость Всевышнего постиг Салават: человек в тяжелом состоянии, тем более обреченный, не осознает реально своего положения.

«За какие же грехи обрек меня Всевышний на такие мучения?» Лишь только прошептал-простонал этот вопрос, перед глазами снова возник человек в кандалах с изуродованным лицом, казавшийся ему таким родным. Салават пытался узнать его: кто же он? Вдруг заметил: да у него тоже разодран нос и на лице такие же шрамы, как у него! Вот закованный джигит исчез и промелькнул младенец в люльке на раскидистой ветви дерева...

После сеанса Лилит сказала: – Тебя омыли водой святого источника...

– Да, заставили полностью обтереться, – вспомнил Салават. – А что за движения я делал?

– Упражнения тибетских монахов. С их помощью приводишь дух в гармоничное, высокое состояние.

– Раньше полагал, что эти упражнения они придумали сами... Получается, Всевышний ниспослал их монахам?

– Выходит, что так, – согласилась Лилит, – ведь не знал ты эти упражнения раньше, им научили тебя под каналом свыше.

– Это чудо Аллаха! – с вдохновением воскликнул Салават.

– Несколько раз показали колесо времени – быстро вращающееся золотое колесо со знаками зодиака двенадцати созвездий на Млечном пути.

– Что это значит?

– Под влиянием каналов космоэнергетики тебя вскоренно очищают от грехов. Это называется «быстрая отработка кармы».

У испытывавшего душевное потрясение Салавата пронеслось в голове:

«О Господь, каюсь пред Тобой, преклонив колени, – прошу, прости грехи мои! Не повторю их больше... Я все понял. Не сверну теперь с пути истинного. Безгранично благодарю Тебя за то, что после стольких грехов вывел меня на правильный путь! Прошу, не лишай милости своей и мать, и жену, и детей моих».

* * *

Вот уже около полутора часов Салават стоит под каналами. Он порядком устал. Нагрузки с каждым днем возрастают. Сегодня тоже произвольно выполнял упражнения тибетских монахов, чередуя с разными способами дыхания. Затем всем телом воспроизводил различные стойки и движения воинов. Во время сеанса дают знать: душа его день ото дня становится чище, тоньше, и он, кажется, многое начинает понимать.

...Неожиданно пришел в голову сюжет картины под названием «Командировка». «Действительно, мы в этой бременной жизни находимся как во временной командировке. А у нее бывает четкая цель. Настоящая жизнь – по ту сторону. Я давно предполагал: наверное, на том свете намного лучше, чем на этом. Разумеется, для чистых душ. Если моя мысль верна, то можно ли высказать ее людям? Ведь художественная литература и искусство, напротив, обязаны утверждать жизнь, укреплять великое чувство надежды, вложенное в души человеческие. Многого еще не знаю. Вернее, совсем ничего не ведаю...

В девяносто первом году начал изучать Коран, но сумел прочесть лишь одну четвертую часть. Видно, грехи сделали мое сердце глухим по отношению к священной книге.

Слава Богу, сердце мое становится чище. Чувствуя это, душа испытывает радость. Ведь лишь тогда, когда совесть моя чиста, я могу писать картины. Не стану больше загрязнять себя, буду всячески избегать дурного и греховного. Настало время обуздать горячность и грубость. Я должен стать мягче по отношению и к близким, и к дальним. Особенно к Лилии. Она не выносит жесткости и резкости во мне, из-за этого ссоримся часто. Сколько раз я давал себе зарок? Однако сам не замечаю, как срываюсь на грубость. А она человек тонкокожий, обижается из-за мелочей. Быть может, каналы космоэнергетики помогут нам стать терпеливее и мудрее?..»

В этот момент перед глазами Салавата предстал Шагидулла-атай. Много лет спустя он понял, что отчим был очень похож на первого космонавта Юрия Гагарина: такие же ясные голубые глаза, улыбчивое лицо.

Однажды во время весеннего половодья они переправились на катере через реку Агидель и пошли к содовскому кольцу. Шагидулла-атай с сумкой в руке неспешно идет уверенными шагами. Чуть не касаясь отчима, с натужным гудением и урчанием моторов, иногда недовольно сигналив, проезжают огромные груженные машины. За ним еле поспевает мать, держащая за руку Салавата, и опасно просит:

– Шагидулла, тебе говорю, Шагидулла... Пожалуйста, иди по краешку дороги, не угоди под колеса... – Сколько уже раз мать повторила эти слова? Но Шагидулла-атай молча шагает себе дальше, будто не слыша ее мольбы.

Покончив с делами в городе, направились обратно домой – а катера для переправы не оказалось... Шагидулла-атай, недолго думая, спустился к сваям деревян-

ного моста, который разбирали каждую весну перед половодьем. Весенняя река шумно бурлила, бушевала, норovia вырвать сваи и унести далеко-далеко.

Мать Салавата снова принялась приговаривать:

– Шагидулла, Шагидулла... Прошу тебя, не подходи близко к реке! Если приступ схватит – свалишься да уплывешь, в жизни не найдем... Не подходи к воде, послушай меня!

Однако Шагидулла-атай, нисколько не обращая на нее внимания, постоял, долго вглядываясь в сваи, и перевел взгляд на вагонетки, перевозящие через Агидель шахтауские камни. И тут его лицо осветила гагаринская улыбка. Не говоря ни слова, он заспешил наверх к пригорку.

– Шагидулла, ну куда ты пошел?..

Отчим быстро вскарабкался по железным столбам-опорам, куда были закреплены стальные канаты, с ловкостью хищника спрыгнул на одну из проезжающих в сторону горы Шахтау вагонеток и через минуту уже переправлялся через бурлящую Агидель.

– О, Аллах, лишь бы в реку не упал!.. – причитала мать. А Салават молча стоял рядом с ней.

Вскоре на поверхности широко раскинувшейся, бешено клокочущей реки показалась лодка. Чуть погода, Салават узнал сидящего за веслами человека и воскликнул:

– Шагидулла-атай! Это Шагидулла-атай плывет на лодке!

– О, Аллах, лишь бы приступ не начался, лишь бы не утонул... – еще сильнее распереживалась мать.

Пока все обошлось. Нос лодки со скрежетом уткнулся в галечник берега и отчим скомандовал: – Быстренько садитесь!

На обеспокоенном лице матери мелькнул страх, но она не смогла перечить мужу и поспешила к лодке. Салават тоже заторопился за ней.

Шагидулла-атай направил лодку в центр яростно бушующей водной стихии. Его могучие руки играючи орудовали веслами. Отчим у него – силач: с легкостью ломает подковы. Однажды сжал пальцами двадцатикопеечную монету, стал гнуть быстро-быстро и разломал ее надвое. Просто ради интереса. Когда вырастет, Салават тоже будет сильным, как он...

Мать, крепко обняв Салавата, сидела на лодочной скамейке и шептала молитвы. Салават потянулся в сторону, желая окунуть руку в пенящуюся воду, но мать сердито прижала его к себе:

– Куда тянешься? Сиди смирно!

Ребьячим рассудком Салават не осознавал всю опасность ситуации.

К счастью, они благополучно переправились через грозный водный поток и приткнулись к песчаному берегу. Только успели выпрыгнуть из лодки, к Шагидулле-атаю подбежал какой-то мужик и, размахивая сжатыми кулаками, заорал:

– Ты зачем лодку увел?! Сейчас я тебя проучу! Вот...

Отчим, не говоря ни слова, посмотрел на него так, что мужик тут же запнулся, как бы проглотив рвавшие с языка слова. Видно, хозяин лодки быстро уразумел значение взгляда, не обещавшего ему ничего хорошего.

Шагидулла-атай приказал матери:

– Дай ему копеек пятьдесят!

Когда мать Салавата протянула пятидесятикопеечную монету, побледневшее лицо лодочника немного прояснилось.

– С этого бы и начинали... – пробурчал он себе под нос.

На другой день Салавату снова выпало приключение. Как всегда, играли с друзьями в войну. Когда пробегал около сарая Аюп-агая, из конуры, гремя цепью, вылезла борзая ростом с теленка и кинулась на него. Салават давно мечтал о собаке и ничуть не испугался, наоборот, протянул руку, подзывая ее. Но она была настроена недружелюбно: стремительно набросилась на Салавата, укусила в левое предплечье и с чувством исполненного долга забралась обратно в конуру. Почему-то он не испытал ни страха, ни боли, еще раз внимательно посмотрел на грустную собаку и продолжил игру.

Домой пришел лишь к вечеру. Повесив бушлат на гвоздь, хотел было снять зеленый бумазейный свитер, а он прилип к ране. Тут только вспомнил о собачьем укусе. Чтоб не узнала мать, скорехонько поел и лег не раздевшись.

– Ты почему не разделся? – насторожилась мать.

– Сегодня посилю так, вдруг ночью похолодает... – попытался схитрить Салават, стараясь казаться равнодушным. Мать, почуяв неладное, подошла к нему. Осторожно помогла снять свитер и оторопела – из открытой раны на предплечье торчали желтоватые обрывки жира.

Дома поднялся переполох. Не на шутку перепугавшись, мать и неродная бабушка засыпали вопросами: – Что случилось, дитя мое?

– Что с рукой?

– Кто поранил?

– Собака укусила, – ответил Салават. Страх взрослых перешел и к нему.

– О Аллах, что же нам теперь делать? – заметалась бабушка.

– Я приведу медсестру! – Мать, спотыкаясь, выбежала из дома.

Побледневший отчим задал Салавату всего один вопрос:

– Чья собака укусила?

– Борзая Аюп-агая...

Получив ответ, молча вышел.

Утром стало известно всему аулу: Шагидулла-атай отрубил бедной собаке голову.

Салавата отправили в больницу лечиться: каждый день, намазав вонючей мазью, перевязывали рану, делали уколы. Тут подружился с мальчиком по имени Земфир. Он старше на год, учится во втором классе. Земфир попал сюда из-за того, что неожиданно лопнула лампочка и ему в глаза попали мелкие осколки стекла. Еще в их палате лежала Таня, девочка лет трех-четырёх, круглая сирота. Грустно улыбаясь, она спросила у Салавата:

– У тебя есть мама?

– Да, – равнодушно ответил Салават.

– А папа?

Чуть поразмыслив, Салават представил перед собой отчима и разок увиденного родного отца, затем вскинул два пальца:

– Есть. Двое.

Таня горько заплакала:

– У тебя двое пап, а у меня ни мамы, ни папы не-е-ет!..

Кроме них, в палате лежали несколько женщин с маленькими детьми. Они кинулись утешать рыдавшую девчущку:

– Не плачь, Танечка, вот тебе конфетка. – Одна протянула конфету, вторая – пирожок, другая попыталась отвлечь ее внимание куклой. Однако Таня не желала успокаиваться:

– Не нужна мне конфетка! И пирожок не нужен! И кукла тоже! Мне мама нужна! Почему-у-у у меня нет мамы?! – продолжала она плакать. Не зная, что и делать, одна из женщин сказала ей:

– Не плачь, Танечка, будет у тебя мама, будет!

Сирота тут же прекратила плакать и всмотрелась в нее чистым взглядом с загоревшейся искоркой надежды:

– Правда? У меня, правда, будет мама?

– Будет, Танечка, будет!

Немного подумав, Таня спросила:

– Тетенька, а когда она будет?..

– Когда вырастешь, тогда и будет...

Радостно заулыбавшись, Таня захлопала крохотными ладошками:

– У меня будет мама! У меня будет мама! Когда вырасту, у меня будет мама!

Эх, Таня-Танечка, совершенно незащитная маленькая девочка. У тебя ведь никого-никого не было в этом огромном мире... Где ты теперь? Жива ли? Нашла ли ты маму, о которой так мечтала, отыскала ли свое счастье на белом свете?.. Да будет милосерден к тебе Всевышний.

Спустя две недели Салавата выписали из больницы. Когда его увозили, на деревьях лишь набухали почки, а к возвращению они успели покрыться изумрудно-зелеными листочками.

Пока Салават был в больнице, отчим успел попасть еще в несколько «историй»: побил Миргали-агая, недавно переехавшего из города и купившего дом по соседству, отдубасил в клубе пытавшихся подшутить над ним подвыпивших парней.

Отчим Салавата был человеком своеобразным, можно сказать, с уникальным характером: немногословен, педантичен, упрям, крайне вспыльчив. Он никому не подчинялся, все делал по-своему.

Не то что каким-то чинушам, даже царям бы не покорился. Его упрямство, упорство и решительность даже доходили до безрассудства. Как еще он с таким нравом служил в армии? После полутора лет службы в Германии его комиссовали – случился приступ эпилепсии.

Шагидулла-атай не только дрался, но и работал за троих, был мастером на все руки и лучшим столяром в округе. Инструменты у него в мастерской висели или аккуратно лежали каждый на своем месте: топоры, молотки, несколько видов пил, ножовки, долота, рубанки, фуганки, стамески, коловорот, циркуль, рулетка, сверла. Аульчане заказывали ему двери, косяки, оконные рамы, ставни, шкафы, комоды, столы и стулья.

Однажды Шагидулла-атай в городе увидел диван. По обыкновению, ничего не сказав домочадцам, принялся за дело. И за несколько дней смастерил замечательный диван. Спинку сделал съемной, обтянул мебель тёмно-красной тканью. Даже пружины изготовил сам, согнув из жёсткой проволоки.

Шагидулла-атай имел неполных пять классов образования, но запоем читал книги, взятые из библиотеки клуба. Оказывается, в подростковом возрасте его исключили из школы. Причина та же – необузданный нрав. За шалость на уроке учитель схватил Шагидуллу за шкурку и потащил к двери, а он, недолго думая, свалил ударом мужчину-педагога. Дело было в конце сороковых годов. А в те времена авторитет учителя был на недосыгаемой высоте. После этого конфликта и случился с ним первый припадок. Знающие люди посоветовали им бросить одежду, которая была на нем во время удара падучей в реку, чтоб вода унесла болезнь. Но бабушка Уммикамал пожалела одежонку.

Несмотря на буйный нрав, отчим никогда не обижал пасынка. Даже слова обидного не сказал. За восемь лет лишь раз выказал ему недовольство: когда Салават заигрался на улице и не встретил корову из стада. Да и тогда мать быстро прервала мужа. Он осекся на полуслове, не стал продолжать.

Наверное, коротка бывает жизнь у человека с таким характером. Здоровый как бык и сильный словно батыр Шагидулла-атай умер всего в тридцать пять лет.

Во время летнего селлэ¹ привезли сено. Торопливо выгрузив, отчим не стал укладывать сено в копну, потому что бабушка Уммикамал к их приезду затопила баню. Очень уж любил он париться. После помывки, по обыкновению, прилег на топчан. Как назло, тут неожиданно поднялся сильный ветер, раскатисто прогремел гром и надвинулся ливень.

Шагидулла-атай, еще не остывший после бани, выбежал из дома и торопливо закидал сено под навес. Но, как ни спешил, все-таки попал под сильный дождь. Закончив работу, несвойственными себе тяжелыми шагами вошел в дом, лег на топчан и больше уже не поднялся на ноги.

Утром не мог говорить. Его отправили в больницу. Там он и скончался, пролежав больше недели с температурой выше сорока.

Отчим снится Салавату нечасто. А когда привидится изредка – улыбается точь-в-точь как Юрий Гагарин. Такие сны всегда к добру, после них случается радость или удача. «Пусть земля будет тебе пухом, а душа пребудет в раю, Шагидулла-атай. Пусть и твое последнее прибежище будет спокойным, просторным и светлым, неродная моя бабушка Уммикамал. А мне надо найти время и сделать надгробья к вашим могилам».

Тут музыка оборвалась, и очередной сеанс закончился.

* * *

Салават сегодня встал под канал в седьмой раз и начал сразу с гимнастики. От сеанса к сеансу он произвольно выполнял все новые и довольно-таки сложные движения. Было немало растяжек, потягиваний и дыхательных упражнений.

Трижды произнес «аминь», покался. Затем попросил Всевышнего простить грехи и вывести на прямой путь.

Сегодня он подумал: похоже, под каналами управляют даже мыслями. Либо, нежданно показав что-нибудь, направляют поток мыслей в нужную сторону.

После интенсивной физической нагрузки резко остановился и почему-то отчетливо увидел детское лицо одноклассника Бакирова Венера – светленького мальчика с голубыми как небо глазами и невинной улыбкой, напоминающего ангелочка с картинок. Мельком промелькнул и другой его образ: в молодости он был как две капли воды похож на французского киноактера Алена Делона. Затем предстал перед глазами Венер нынешний – живой труп с посиневшей от беспробудного пьянства мерзкой мордой с беззубым оскалом...

Потом вспомнил, как тридцать три года назад месили кизяк соседской старушке Алмабике. Замешивание кизяков – большое умэ, в нем участвуют и стар и млад. Мужчины таскают воду и льют в большую кучу навоза, которая постоянно утаптывается с помощью лошади. Верхом, конечно же, важно восседает друг Салавата Гали. Ведь хозяин гнедого жеребца – его отец. Готовый замес накидывают вилами в приспособление, прицепленное к тархтящему трактору, где навоз смешивается, спутывается и прессуется. На выходе из немудреного агрегата сплошную ленту навоза режут лопатой на кирпичики. А разновозрастная детвора бегом растаскивает их и расставляет в ряд для просушки.

¹ Селлэ – полный цикл одной из фаз лета или зимы. Приходится на самый жаркий (40 дней, с 25 июня по 5 августа) и самый холодный периоды года (40 дней, с 25 декабря по 5 февраля).

Хоть детишки и вымазываются по самые уши, такое умэ не просто веселое дело для них, а настоящий праздник. Увлекшись работой, Салават и не заметил, как кто-то подошел к нему.

– Здравствуй, улым!

Он оглянулся и увидел улыбающегося отца. Это была их третья встреча. От аккуратно одетого отца приятно пахло одеколоном, который разительно отличался от густого сладковатого духа навоза. Оказывается, его тоже позвали на умэ.

Закончив работу, с шумом и гвалтом побежали к реке купаться. Только успели смыть с себя навоз, их позвали в дом.

Взрослым приготовили угощение в доме, ребятам – в чулане. Хозяйка, довольная улыбаясь, с шутками-прибаутками раздала детворе по пятидесятикопеечной монете: «Держите, по работе и плата, по товару и цена! Молодцы, не подкачали, работай – сыт будешь, учишь – умен будешь! И ты держи деньгу – работа черна, да денежка бела. Спасибо, ребятки, выручили. А теперь угощайтесь на здоровье – работай до поту, поешь хлеба в охоту» Знают они: носильщикам кизяков принято платить. Все же, зажав монеты в маленьких ладошках, очень воодушевились. Как бы то ни было, полтинник – деньги немалые. Их хватит, чтобы десять раз сходить в кино. А еще можно закупить на них кучу пряников и конфет.

Маленькие работники угощались чинно, зная себе цену, а взрослые гудели за стеной. Дети уже знают, они пьют брагу.

Тут к ним, держа в руках полный стакан, вышел парень по имени Зуфар и с хитрой улыбкой предложил:

– Ну как, Гали-батыр, в какашках богатырь, может, пропустишь один стакашок?

Гали – самый ловкий и сильный среди мальчишек. И верхом скачет лучше всех. К тому же, младший сын бригадира Галлям-агая. Конечно, гордому Гали не понравилось такое обращение. Побагровев от злости, он сердито ответил Зуфару:

– Почему один, я и два могу!

Гали на одном дыхании опустошил стакан.

– Ну ты джигит! Видать, правда батыр. – Зуфар подмигнул взрослым, дескать, подшучивает над мальцом. – Опрокинешь еще одну? – Он снова протянул Гали полный стакан.

– Ты что делаешь? – Старуха Алмабика испуганно посмотрела на Зуфара и потянулась к Гали, да не успела – он уже схватил стакан.

– И вторую могу! – Мальчишка выпил залпом второй стакан.

– Может, и тыхватишь одну? – Зуфар с усмешкой повернулся к Салавату. Тот не успел ответить, к ним подошел отец:

– Ты чему ребяташек учишь? – Отец строго отстранил Зуфара и протянул Салавату куриную ножку:

– Держи, улым, ешь.

Салават растерялся, не зная, что делать. Хозяйка подбодрила его:

– Бери, сынок, отец тебе свою долю отдает.

Салават несмело взял куриную ножку. Многого он потом не вспомнит, но этот окорочок не позабудет никогда. Пройдет много лет, он сам станет отцом пятерых детей и однажды утрет скупую слезу, вспомнив вдруг ту отцовскую долю.

Салават успел увидеться с ним всего шесть-семь раз. Как же нелепо пропал отец... Так его не хватает. И всю жизнь не хватало. Эх, был бы жив...

Четвертая встреча была печальной. Увидев издали, как возле маленького деревенского клуба галдит толпа мужчин, с мальчишками подошли поближе. А там отец схватился с Басир-агаем – борются на потеху людям. Оба уже выбились из сил.

А бывший ученик отца, пару лет назад вернувшийся в аул после университета Ахтям-агай, размахивая двумя рублевыми купюрами, подзадоривает их:

– Давай-давай! Кто победит? Победителю – одна «бомба»!

Взмокший отец, сделав резкое движение, уже который раз бросает соперника через грудь на зеленую траву. Отерев рукавом пот со лба, в очередной раз потянулся к руке «судьи»:

– Давай приз!

Ахтям-агай с издевательской ухмылкой прячет руку за спину:

– Нет уж, брось на спину! Как сам учил нас, так и сделай – бросай чисто! Давай, давай! Приз получишь после чистого броска!

Те, видно, сильно маялись похмельем, сцепились снова. А с усмешкой следящие за зрелищем мужики опять громко загоготали.

Собрав остатки сил, отец бросил соперника через голову.

– Вот это бросок! Афарин², держи приз! – Довольно усмехаясь, Ахтям-агай всучил отцу две рублевые бумажки.

Получив деньги на «бомбу», отец, не обращая внимания на Салавата, поспешил в магазин. Басир увязался за ним.

Спустя несколько минут они вышли из магазина, тут же алчно накинудись на восьмисотграммовую бутылку вина, будто заблудившиеся в пустыне и изнывающие по глотку воды путники. Отец жадно, на одном дыхании опрокинул в себя из горла полбутылки и притих, вглядываясь затуманенным взглядом на дальние поля за рекой.

Басир-агай, опустошив бутылку, понюхал рукав грязной рубахи, затем удовлетворенно выдохнул:

– Ух, как хорошо! Выпьешь – и сразу так здорово! – С этими словами он тоже отдался сладостным мечтам.

Унизительное поведение отца сильно уязвило самолюбие Салавата. Он задумался: неужели водка настолько вкусна? Решил спросить у закадычного друга, наверняка, Гали знает об этом лучше:

– Гали, а водка вкусная?

– Нет, – скривил упитанную, действительно напоминающую круглый беляш мордочку Гали, – я тоже думал, что вкусная. Попробовал из отцовского стакана, ой, горькая...

Это событие оставило глубокий след в душе Салавата. Больше тридцати лет прошло, а он до сих пор не может забыть. Особенно возмутила выходка Ахтям-агая, в душе зародилась неприязнь к нему. Нутром понимал – людей нужно прощать, но обида продолжала тлеть в сердце.

Хорошо это или плохо, после того случая Салават всю жизнь не выносил тех, кто пытался над ним насмеяться. Многого прощал он людям, даже предательство, но человека, посягнувшего на его честь и достоинство, тотчас заносил в список непримиримых врагов. Кстати, таких всего-то несколько, но все наперечет...

А ведь еще совсем недавно отец Салавата был лучшим учителем физики и математики в районе. Позже он узнал, что многие ученики отца с легкостью поступили и отучились в технических институтах. Это в шестидесятые-то годы... А теперь он терпел оскорбление от одного из них...

Да еще Гали подсыпал ему соль на рану:

– И зачем только твой отец смешит людей из-за одной «бомбы»?..

До Салавата изредка доходили слухи о пристрастии отца к выпивке, но не представлял, что он скатился настолько низко.

² Афарин – возглас одобрения, похвалы, восхищения.

Да, всего-то несколько лет назад отец был первым человеком в ауле. Для здешней детворы и молодежи находился на высоте кумира. Кроме точных предметов, обучал их национальной борьбе и танцам. Сам он, исполнив народный танец, занял первое место в зональном конкурсе и был приглашен на республиканский. Но из-за похмелья спрятался от людей, приехавших за ним, в туалете. Видно, побег в сортир вместо поездки на республиканский конкурс стал важным выбором, определившим его дальнейшую судьбу...

Салават сейчас – десятилетний мальчик, испытавший потрясение при виде так низко павшего родного человека, а его отец, лишь недавно бывший в центре всеобщего внимания и уважения, больше не школьный учитель – он скотник на ферме. От него теперь не пахнет одеколоном, а разит тяжелым перегаром вперемешку с запахом навоза и силоса.

Салават еще не понимает, что желающие унижить другого найдутся всегда, просто нельзя им позволять, но отец, сознание и воля которого помутились спиртным, забыл уже не только об этом, но и о чести и достоинстве.

Много лет спустя его ученики, подошедшие к шестому десятку, делились с Салаватом теплыми воспоминаниями об отце, имя которого в ауле понемногу забывалось. Оказалось, он давал ученикам знания не только в области точных наук. На классных часах рассказывал о великих образцах мировой культуры и литературы. Ученики особенно любили слушать урок по трагедии Шекспира «Гамлет, принц датский», часто просили его повторить.

– Твой отец, точно настоящий артист, вдохновенно, с блестящими глазами читал нам наизусть:

Быть или не быть?

Вот в чем вопрос...

Получается, на вечный вопрос и вечный выбор «Быть или не быть?» отец ответил самоуничтожением от пьянства – «Не быть...»

А сколько еще миллионов сильных и здоровых мужчин во всем мире ответили и отвечают на этот вопрос отрицательно?.. Что причиной тому?

Отец Салавата распрощался с жизнью всего в сорок лет.

* * *

Несмотря на накопившуюся усталость, Салават считал подготовку к посвящению наиважнейшим делом и продолжал каждый день стоять под каналами.

Работы было невпроворот, да еще пожарники добавили хлопот: пеняя на несоответствие нормативам, заполнили бумагу и закрыли две торговые точки. Салавату пришлось в короткий срок нанять мастеров и заново отделать помещения, используя несгораемые стройматериалы.

Позже дошел слух, что пожарников нанял конкурент. В прошлом году Салават, проявив расторопность, утер ему нос – обставил в борьбе за теплое место под солнцем. Тот, выходит, отомстил по-своему...

Ну да ладно, хорошо, если конкурент на этом успокоится. Обострение конфликта никому не пойдет на пользу. Если вражда между ними углубится, оба будут вынуждены истратить немало сил и средств. И кто знает, до чего еще докатятся в этом противоборстве...

Не хватало того, в магазин нагрянули какие-то «быки», строящие из себя крутых рэкетиров, предлагали «крышевание». Он умеет разговаривать с такими. Но подобные разборки – тоже дело не из приятных.

Причину навалившихся на него проблем Лилит объяснила просто: увидев, что Салавата готовят к большому посвящению, темные силы стараются вставить палки в колеса... Он и сам отлично понимает: будние хлопоты и мелкие стычки, отнимающие много времени и сил, – сущий пустяк по сравнению с посвящением.

Во время очередного сеанса снова дали интенсивные физические нагрузки. Похоже, Салават постепенно к ним привыкает, сегодня не сильно устал. Эти упражнения оказались настолько эффективными, что за короткое время сбросил вес, каким-то чудом стал выше ростом, ощущал духовный подъем, у него развились мускулы, почти исчезла хромота.

Вот непроизвольно нащупал указательным пальцем нужное место на груди и долго нажимал и тер – делал точечный массаж. Позже понял, что это биологически активная точка.

Как в полусне выполнил семьдесят семь приседаний. Душа его так распахнулась, а сознание словно сбросило пелену и он, в очередной раз покаявшись, вновь обратился с мольбой к Аллаху: «О Всевышний, безгранично благодарю Тебя за то, что привел меня в этот мир! Прошу, помоги реализовать дарованный Тобой талант, написать совершенные произведения, внести вклад в наставление человечества на путь истинный и служить лишь Тебе!» Затем семь раз произнес слово «аминь» и вышел из-под канала.

Во время сеанса у Лилит состоялся, как она выразилась, телепатический диалог с космическим учителем в виде вопросов-ответов:

- Спасибо вам, что очищаете моего мужа от грехов.
- Мы и впредь будем ограждать его от совершения дурных поступков.
- Кем он станет в будущем?
- Великим художником.
- А я?
- Женой великого художника...
- Значит, я сама никто, всего лишь жена великого мужа?..
- Если сильно пожелаешь, сможешь стать великой провидицей...
- Что я должна для этого сделать?
- Полностью ослепнуть...
- Лишиться зрения?! Как Ванга? Почему я обязана платить такую высокую цену?
- Если хочешь что-то получить, надо вначале отдать...
- Нет, я не могу отречься от счастья созерцать красоту этого мира! Даже ради великого дара ясновидения!..
- Успокойся, никто не заставляет тебя, у каждого есть право выбора. Только потом за свой выбор придётся отвечать. Принуждение же силой – запрещенный во Вселенной способ...
- А мой муж? Чем пожертвовал он, чтобы стать великим художником?
- Он еще до рождения остался без отца. Позже прошел огонь и воду. На его теле семь ран, он просверлен насквозь четырнадцать раз. Когда больше года пролежал на спине, мечтая повернуться на бок, плоть в нескольких местах сгнила до самых костей, а тело стало плоским, как у рыбы. Однако, благодаря воле Всевышнего и силе своего духа, твой муж достойно перенес муки телесные. И все же, впереди у него посерьезнее...
- Что же еще суждено ему вынести?..
- Никто не уйдет в мир иной, не испытав предначертанное...
- Неужели Салавата ждут испытания тяжелее мук телесных?..
- Ждут его... муки душевные, что намного тяжелее мук телесных...

– За что же ему такие страдания?

– Всевышний свои любимые творения подвергает самым трудным испытаниям, но дает лишь то, что по силам. Ведь эти страдания – еще и цена таланта. Истинный талант, то горя в пламени мук, то окунаясь в ледяную воду страданий, должен закалиться, беспрестанно вертеться в беспощадном колесе жизни, отшлифовать грани словно алмаз и заблестать как бриллиант. Даже сгорев дотла, позже воспрянет из пепла как птица Феникс и воспарит на духовном небосводе человечества. Он не станет воспевать низменное, писать постельные сцены, а будет создавать великие произведения о вечном, светлом, чистом и высоком.

Лилит умолкла и задумалась. А Салават, оглушенный услышанным, окунулся в омут глубоких и тревожных мыслей: «Неужели стоящие передо мной творческие задачи настолько серьезны? Стало быть, чтобы реализовать талант, нужно вынести столько испытаний, закалиться в пламени страданий, да еще пережить какие-то душевные муки. Смогу ли я выстоять? О Господь, если возможно, огради меня от таких испытаний... Может быть, полностью отречься от таланта, сладких мук и радостей творчества и зажечь обычной жизнью? Что делать? Решиться или нет? Рискнуть или затаиться? Вот в чем вопрос...» Перед глазами предстал отец. Отец, сбежавший от зова таланта в сортир, а затем утопивший дар на дне бутылки...

«Что делать? Быть или не быть? Вот в чем вопрос...»

Наконец, на лице Салавата отразилась решимость:

– Будь что будет, не изведать мне больше того, что суждено Всевышним. Быть!..

– А мысли повернули в другое русло: «Чтобы написать великие произведения, нужно настроить душу и ум на высокие, даже божественные волны».

* * *

Уладив торговые дела, Салават поехал на оптовый рынок, купил ящиками яблоки, хурму, апельсины, мандарины. Затем посадил в машину Лилит, и направились в Дом ребенка. Тут воспитываются до школьного возраста дети-подкидыши и отказные малютки.

– А кто вы? – поинтересовалась заведующая, миловидная женщина средних лет, всматриваясь в посетителей. Немного подумав, Салават ответил:

– Мы обычные предприниматели.

– А ваша фамилия?.. Давайте, зарегистрируем вас в журнале благотворителей.

– Нет, не беспокойтесь.

– Может быть, построим малышей в ряд и сами раздадите им фрукты? А мы вас сфотографируем.

Салават смущенно возразил:

– Не хотим доставлять вам лишних хлопот. Показуха нас тоже не интересует. Просто возьмите эти гостинцы и раздайте сиротам сами.

Заведующая весьма удивилась, но, в конце концов, согласилась. Такие же угощения они время от времени отвозили в городской детдом.

Вернувшись домой, Салават быстро подготовился и встал под канал.

Сегодня снова дали большую физическую нагрузку, а затем пальцы сами нащупали и сделали точечный массаж того места на груди.

Слава Богу, отношения с женой наладились. Бизнес тоже идет в гору. После долгих мытарств смог забрать деньги у нескольких предприятий-должников. В том числе и у колхоза родного аула. Лилит, в отсутствие Салавата, взяла и отгрузила им товар на кругленькую сумму. С тех пор прошло два года, а они даже не думают

возвращать долг. Несколько раз ездил к председателю, пробовал договориться. Руководитель хозяйства Гайнулла каждый раз встречал с широкой улыбкой, обещал незамедлительно расплатиться и... в очередной раз оставлял с носом.

Верно говорят в народе: отдаешь руками, а забираешь ногами. Когда Салават в очередной раз приехал в аул, Гайнулла на месте не было. Поинтересовался у столпившихся возле конторы мужиков, где хозяин, и старший из них указал пальцем в сторону развалин фермы за рекой:

– Во-о-он, Гайнулла, ворует колхозное имущество.

В самом деле, у руин фермы, будто попавшей под огонь вражеской артиллерии, грузили краном в тяжёлый грузовик железобетонные блоки и плиты. Салават без особого удивления уставился на односельчан:

– Как это ворует?

– А вот так: деньги за стройматериалы не вносит в колхозную кассу, а кладет себе в карман...

– И знает об этом весь аул?

– Конечно.

– И милиция?

– У милиции глаза слепые, уши глухие, а пальцы в свою сторону загнутые...

Мужики захохотали:

– Верно ты сказанул, Басир-агай!

– В точку!

– Коли их начальник приезжает в наш колхоз за халявным мясом, маслом, зерном да картошкой, зачем они будут на руку дающую наручники надевать...

– Да уж, лучше впаяют три года суслику Фарису, который пару мешков зерна пропил, или посадят на два года Раяна, по прозвищу «медведь» за то, что овцу колхозную уволок...

– Ага, хоть верблюда укради, хоть пуговицу, все равно вор...

– По пустякам всяких мелких воришек сажают, а к настоящим ворюгам – начальникам и близко не подойдут.

– Ясное дело, рука руку моет, а обе руки – лицо...

– Почему тогда с должности не вышвырнете? – попытался Салават.

Басир-агай с безнадежным видом махнул рукой:

– Вор не разбогатеет, обжора не нажрется... Мы уже привыкли к ворам-начальникам.

– А ведь богатеют! Сколько наших председателей себе дома отстроили, общего добра нахапали да махнули на колхозных машинах! – возразил ему колхозник средних лет.

– Да бог с ними, все равно не смогут ворованное с собой на тот свет унести...

– Поставил точку в споре Басир-агай.

Увидев внезапно подъехавшего Салавата, низкорослый, но округлый как колобок Гайнулла враз побледнел. В забегавших, словно у вороватого кота глазах, отразился страх.

– Зд-дравствуй, туган³, по какому делу?

– В здравии, абзый. Ты мое дело отлично знаешь, хоть память у тебя коротка... С каких уж пор не возвращаешь мои кровные...

– Да-а, тут...

– Даже не начинай, сказочки припаси для других кредиторов, а мне сейчас же выдашь бумагу.

– Какую еще бумагу?

³ Туган – в нарицательном значении: родной.

– Заберу хотя бы колхозную муку с городского элеватора и верну своё.

– Муку? А... это самое...

– Не хочешь отдавать муку, гони сюда деньги за ворованные сейчас стройматериалы! – перебил его Салават.

Смуглое лицо Гайнуллы побагровело. Он потер рукавом пиджака лоб.

– Ладно, подожди в конторе, сейчас подъеду, – попытался ускользнуть председатель, но Салават тут же осадил:

– Я ждал два года! Быстро закружись, поедem в контору вместе.

Он выбил из должников около двадцати тысяч долларов. На днях через приятеля отправил в Москву документы на промышленный теплообменник, недавно купленный по дешевке. Если удастся перепродать это оборудование, на вырученные деньги привезут товар из столицы. Им и самим надо бы съездить в Москву, получить еще пару каналов для Лилит.

Поток воспоминаний резко повернул в страну молодости.

«Эх, безвозвратны уже те годы! Каким удивительно чистым душой и сердцем, энергичным, сильным я был тогда, с каким вдохновением писал свои картины! Может быть, смогу вернуть чудесный душевный настрой тех лет? Иногда мне кажется, что мое духовное состояние приближается к тогдашнему... Не зря же меня очищают от грехов».

Аргамак памяти помчал Салавата в детские годы.

На летние каникулы Салавата снова отвезли к бабушке. Гульфариза-олясэй живет не одна. После переезда их в аул Шагидуллы-атая, она приютила у себя одинокую, увечную и слегка тронутую умом старушку по имени Ишбика.

Много лет назад, в горячую пору жатвы родители Ишбики взяли ее, тогда еще грудного младенца, с собой на поле. Внезапно поднялся ураган и закружив в воздухе люльку с Ишбикой, забросил на соседнюю пашню. Малышку отыскивали, но у нее повредились рассудок и нога. Девочка подросла, однако так и не научилась нормально разговаривать.

Работящую Ишбику, несмотря на увечье, взял в жены пожилой мужчина. Они прожили довольно долго, но детей у них не было. После смерти мужа Ишбика не смогла вести хозяйство в одиночку. Старенький домик потихоньку развалился, и она осталась на улице.

С тех самых пор Ишбика пошла по домам: проводя в каждом два-три дня, по очереди обходила весь аул. Занятно, что она в любой избе вела себя как равноправный член семьи: доила корову, присматривала за детьми, кормила домашнюю птицу... Образ жизни Ишбики никого не удивлял, когда она входила в чей-то дом, никто не показывал недовольство, напротив, все радушно и гостеприимно привечали ее.

Старушка Ишбика у Гульфаризы-олясэй за несколько лет совместной жизни так освоилась, что держалась не просто как член семьи, а вела себя будто хозяйка. По этому поводу мать Салавата упрекнула было бабушку: «Зачем ты ее так разбаловала, будь поостроже!», но та лишь махнула рукой: «Какая еще радость у убогого человека, пусть поважничает...»

В честь приезда внука бабушка попросила нарезать курицу. Когда суп был готов, расстелила на топчане скатерть и расставила припасенные для Салавата сладости. Старушка Ишбика поставила на дастархан медный поднос с куриной тушкой, и ловко разделила ее на части. Дом наполнился аппетитным ароматом свеже сваренного мяса.

– На-а-а, держи-и, го-о-остю но-о-ожка, на-а-а! – протяжно мыча, как их черно-пестрая корова Зойка, бабка Ишбика всучила Салавату окорочок, а вто-

рой протянула Гульфаризе-олясэй: – На-а-а, ста-а-аршему че-е-ловеку то-о-оже но-о-о-о-о-оже полагається, на-а-а-а...

До чего же вкусна курятина, язык можно проглотить! Наевшись мяса, шурпу с лапшой, заправленную кислым курутом, выпив чаю за неспешной беседой, начали готовиться ко сну.

Бабушка, шепча дуа⁴, накинула крючок на дверь. Затем, подойдя к каждому окну, повторила молитвы и приготовила постель на топчане. Салават лег рядом с бабушкой. Он абсолютно счастлив. Как хорошо, когда у тебя есть бабушки! А Салават на них богат, у него их трое: бабушки Гульфариза, Уммикамал и Кафия. Уммикамал-олясэй, хоть и неродная, просто обожает его. Бабушка Кафия – мать родного отца. Он видел ее лишь раз. В двух-трехлетнем возрасте мать отвезла Салавата на санках к ним, а вернувшись откуда-то бабушка Кафия привезла обратно и поспешно ушла, сердито выпалив:

– Если что – отдай нам ребёнка насовсем, а вот так не пытайся разрушить семью моего сына, больше не приводи!

Мать взяла Салавата на руки и прижала к груди:

– Как же я отдам свою кровиночку?.. Я ведь вымолила, выпросила у Аллаха именно мальчика, чтоб было кому лошадь запрячь... Вот подрастет мой сын, будет возить дрова, сено и солому, правда? Перестанем, наконец, клянчить лошадь у мужиков...

Да, много у него бабушек, а вот дедушек ни одного. Было бы здорово, если б и они были живы. Салават спросил у Гульфаризы-олясэй:

– А давно умер олатай⁵?

– В тридцать третьем году. Тогда маме твоей было всего три годика...

– Дедушка умер от болезни?

– Нет, не болел он вовсе... – Бабушка на время смолкла. – Крепкий как дуб мужчина взял да помер всего в пятьдесят три годика. Видно, на роду ему было так написано. Домой пришел под вечер. Толком не поел. Сходил с кумганом на двор, потом сказал: «Почему-то сил нет, лягу сегодня пораньше», – и склонил голову на подушку... Больше не встал. – Бабушка снова чуть помолчала и тяжело вздохнув, продолжила: – Ох и могуч был твой дед! Девятый десяток мне уже пошел – а такого силача, как Муллагали, больше не видела! Он славился силой и отвагой в наших краях. Когда ходили с обозами в Стерлитамак, Уфу и Оренбург, его лошадь всегда была впереди. Ехавшие навстречу возчики, завидев Муллагали, сразу узнавали и уступали дорогу.

–А почему?

– Он так приучил. Если не уступали, сходил с саней и молча поджидал. Набросится противник – давал ему тумака. Муллагали наносил противнику лишь один удар. Что тут скажешь, трудно идти против такой силы...

Однажды в зимнюю стужу, промаявшись неделю в пути, прибыли из Оренбурга в Стерлитамак. Закоченели дюже, вот и зашли в трактир отогреться, перекусить. Для сугреву водки заказали. Твой дед только потянулся к рюмке, тут огромный как бык мужик взял да тяпнул его водку. Муллагали удивился, но промолчал и снова наполнил стопку. Здоровяк выпил опять и нагло уставился на него. Он спросил: «Туган, ты чего?» А тот размахнулся и стукнул. Тогда твой дед сказал: «А-а, вот ты какой... Только не так надо бить, а вот как!» – и отвесил такой удар – наглец с грохотом свалился на пол. Люди в трактире опешили, перепугались не на шутку. Однако убедившись, что тот звероподобный страшила не встанет, начали

⁴ Дуа (араб) – мольба, обращение к Аллаху, молитва.

⁵ Олатай – дед, дедушка.

радостно кричать: «Великана уложил! Громилу одолел!» Оказалось, этот лихой человек держал в страхе весь город, был отпетым головорезом. Все боялись его как огня. Сильная рука – владыка, никак не могли противостоять злодею. Люди обрадовались, начали класть на стол твоего деда деньги, приговаривая: «Дай бог тебе здоровья, батыр!». Много положили, денег было полный стол.

– Значит, дедушка богачом вернулся?

– Хе-хе-хе, – усмехнулась бабушка, – кулаками шибко не разбогатеешь... Те деньги тут же прокутили вместе со всеми, кто был в трактире. Ветром принесло – ветром и унесло...

– А с тем великаном что стало?

– Приехали на лошади родители, погрузили на сани да увезли.

«Значит, дед Муллагали тоже был драчуном, как Шагидулла-атай?» – подумал Салават и спросил бабушку:

– А дедушка часто дрался?

– Не часто, но бывало. Бивал килмешаков – пришлых людей, которые пробовали обижать аульчан и отнять наши земли. Иногда на свадьбах или в гостях, выпив лишку браги, затевали потасовку.

Немного помолчав, бабушка продолжила распутывать клубок воспоминаний:

– Дед твой был самым храбрым и видным мужчиной, но однажды провели и его – три-четыре человека подкараулили хмельного, свалили с ног, стукнув длинной жердью, и рассыпались по сторонам.

Не только силу батырскую, но и чутъё звериное имел твой дед. Когда промышляли на стороне и темными ночами блуждали в степи, умел найти верный путь, обнюхав землю под ногами.

И щедростью славился мой Муллагали. В двадцать первом году люди исстрадались, многие умерли с голоду. Помню как сейчас: наш сосед Якуп-агай понуро вышел за ворота с топором в руке и затянул скорбным голосом песню:

Когда веет ветер осенний

Шумят березы нашей равнины.

Не спев тихонько задушевную песнь,

Не унять мне горя-кручины.

Грустно допев, тихо подошел к Муллагали и протянул топор: «На, сосед, возьми». Они уже давно пухли с голоду. Не осталось даже вещей, чтобы продать по дешевке и купить еды. Твой дед ничего ему не ответил. Зашел в дом и вынес соседу два-три фунта муки. Якуп-агай снова протянул топор, а Муллагали не взял. Сосед обрадовался, с благодарностью на устах поспешил домой накормить ребятишек.

– Олясэй, а голод часто случался?

– Голод случался в засушливые годы. – При слове «голод» почему-то Салавату привиделся изможденный дядька в лохмотьях. Бабушка продолжила воспоминания. – В тысяча девятьсот одиннадцатом была страшная засуха: весной даже трава не смогла проклюнуться, земля лежала вся черная. Спасибо, в тот год царь Николай не дал помереть – открыл в каждом ауле бесплатные столовые и кормил народ раз в день.

– А в голод двадцать первого года, наверно, кормили красные...

– Накормят, как же... Когда красные брали аул, вламывались в дома, кричали: «Давай мясо! Масло! Яйца!», отбирали последнюю еду. Столько народу погубили... Соседа нашего Бакира расстреляли без причины. Мать его, бабка Гульбустан, тронулась умом, до самой смерти ходила по аулу и причитала: «Бакира застрелили! Сыночка убили! Тогда наш аул спасли от голодной смерти американцы, инглизы и германцы – два года подряд кормили народ, весной раздавали семена для посева.

Салавата озадачили воспоминания бабушки. Кому же верить: Гульфаризе-олясэй или школьным учителям? Но ведь весь аул знает, что олясэй всегда говорит правду. А разве учителя могут обманывать? Желание узнать истину взяло вверх, он снова спросил:

– А белые тоже... были плохие, как красные?..

– Нет, белые нас не обижали.

Салават еще больше удивился: «Вот это да! Кому же верить? В школе им твердят, что Бога нет, а бабушка повторяет «Бисмиллях»⁶ почти на каждом шагу». Такие противоречия никак не умещались в сознании, и он снова затеребил бабушку:

– Олясэй, а Бог есть или нет его?

Бабушка испуганно всполошилась:

– О Аллах! Прости несмышленного ребенка! – затем повернулась к внуку: – Конечно, есть! Помимо воли Всевышнего мы и шагу не ступим! – Бабушка зашептала дуа и снова взмолилась:

– О Всемилостивый! Ты дал мне четырнадцать детей и только одну, самую младшую дочь оставил в живых, много раз обрекая меня на материнское горе. Подчиняюсь такдиру, предписанной Тобой мне судьбе, принимаю все, что предначертано. Только прошу, ниспосли моему единственному внуку счастья в обоих мирах! Даруй ему удачу великую, большой талант и долгую жизнь как у его предка Абдулгалим-бабая, ум, богатство и трудолюбие как у моего деда Султана, здоровье и мудрость как у старейшины Нугмана, силу, чутьё и отвагу как у мужа моего Муллагали, мужественность, справедливое и храброе сердце как у Салават-батыра, и самое главное, совершенный иман⁷. Будет иман – приложится все остальное. Огради же моего внука от ухищрений шайтана. Аллаху акбар! Аминь! – Бабушка повернулась к Салавату. – Ладно, дитя мое, пора спать. Завтра еще поговорим. Айда, повторим дуа, которую читают перед сном: бисмилляхир рахманир рахим...

Салават повторил дуа вслед за бабушкой:

– Бисмилляхир рахманир рахим.

Она продолжила:

– Лягу – на топчан,

Подушка моя – саман,

Религия моя – Ислам.

Желание мое – Иман,

Лягу со словами «О Аллах»,

Когда встану – иншааллах.

Если вдруг не встану больше,

Упокой меня с иманом, о Аллах.

Как только Салават закончил повторять мунажат⁸ вслед за бабушкой, она сразу уснула и засопела. А он, по привычке, еще долго лежал, размышляя: «Наверно, верно говорит олясэй, Бог есть. А иначе, кто же... Если подумать, все ведь на своем месте. По утрам солнышко восходит и все вокруг освещает. Для пропитания людей и животных, дожди выращивают травы, деревья и зерна. Когда вечером солнце закатывается, его сменяет луна. Темными-претемными ночами освещает хотя бы тропинку под ногами, и то годится. Луна и солнце, люди, бесчисленные живые существа на земле – как появилось все это, если их не создал Аллах? А

⁶ «Бисмиллях», «Бисмилляхир Рахманир Рахим» – фраза, произносимая в каждой молитве, перед началом любого важного дела или проекта.

⁷ Иман – вера, совестливость.

⁸ Мунажат – в данном случае: напевное стихотворение-обращение к Богу.

откуда появился сам Бог?.. Первый космонавт Юрий Гагарин слетал в космос. Но где границы космоса? А что там, за его пределами?..»

Музыка смолкла. Аргамак памяти выплыл из потока воспоминаний и вмиг доставил Салавата в реальность дня нынешнего.

* * *

Следующий день посвятил предкам: заказал надгробные памятники на могилы родного отца, отчима Шагидуллы-атая, бабушек Гульфаризы и Уммикамал. Договорился с муллой и оплатил полное прочтение Корана с просьбой у Аллаха прощения грехов деда Муллагали. Побывав в мечети, раздал хаир⁹ за упокой давно почивших родственников и всех душ, уповающих надежду на упоминание. Вернувшись домой, встал под канал.

На сегодняшнем сеансе впервые и как всегда непроизвольно выполнял новые для себя, но удивительно сложные и совершенные упражнения. Будучи достаточно опытным спортсменом (мечтая стать сильным как отчим, он с детства тянулся к спорту), Салават оценил эти упражнения очень высоко.

На уроках физкультуры, в спортивных секциях обычно учили делать простые и примитивные упражнения. Эти же движения, которые под влиянием каналов космоэнергетики выполнялись руками, ногами и всем телом с поразительной гибкостью, были чрезвычайно гармоничны, точны и совершенны.

В конце сеанса перед глазами пронеслись давно знакомые картины: закованный в кандалы мужчина с жутко изуродованным лицом, каждущийся ему очень близким человеком и висящая на ветке дерева люлька с младенцем.

Вот начал вырисовываться какой-то знак. Вскоре он стал светиться, словно яркая звезда на ночном небосводе. Этот символ затем показывали почти на каждом сеансе, но, сколько бы ни ломал голову, Салават не смог понять его значение. Смысл знака, впервые «увиденного» им закрытыми глазами под каналами, дойдет до него лишь девять лет спустя...

Вдруг возник над ним огромный голубой глаз. Понемногу желтея, он стал золотым и начал изливать теплые лучи на Салавата.

Золотое око исчезло, и запыльхали удивительные космические сияния, сверкающие тысячами разных цветов. Бесчисленные звезды, принимая причудливые формы, вначале быстро вертелись слева направо, потом закружились наоборот.

Вот, озарив звездное небо, величественно возникла огромная золотая птица Хумай и, осветив все вокруг ослепительными лучами, грациозно пролетела дальше. Салават с благодарностью вобрал в себя ярко-золотистые лучи птицы счастья.

После сеанса, по обыкновению, обменивались впечатлениями с Лилит.

– Показали мужчину в оковах. Все лицо у него в шрамах, напоминающих какие-то буквы, носа почти нет. Он показался мне родным человеком. Еще промелькнул младенец в колыбели, висящей на ветке дерева. И мужчину, и младенца я несколько раз видел во сне, когда лежал в госпитале. Посмотри-ка, что означают эти видения?..

Лилит, прищурив глаза, напряженно подумала, затем внезапно воскликнула: – Салават Юлаев!

– Салават Юлаев?! – Салават опешил. – Но почему он так часто мерещится мне?.. А ребенок в люльке?..

⁹ Хаир – подавание, милостыня.

– Этот младенец – сын Салавата Юлаева! Аллабирды, говорят мне... Значит, Аллахом дарованный ребенок...

– А почему я их так часто вижу?..

Лилит опять сосредоточилась и ответила взволнованно:

– Салават Юлаев – твой предок в седьмом поколении, сказали они...

– Чей предок, мой?..

Лилит, немного подумав, вдруг начала утверждать совершенно другое:

– Нет, мой! Наверняка, мой! Конечно же, мой! Значит, Салават Юлаев – мой пращур!

– Но ведь... он совсем из другого племени...

– А младенец в люльке? Его же назвали сыном Салават-батыра. Выходит, этого ребенка привезли в наши края. Этот малыш – продолжатель рода Салавата Юлаева, моего дальнего предка... – сделала вывод Лилит с привычной для себя убежденностью. Салават не стал возражать против ее «неопровержимой» логики.

Поразмыслив немного, Лилит загадочным голосом продолжила:

– Во время сеанса сообщили кое-что. Очищение, подготовка к посвящению будет длиться еще пять дней, пока не покаешься полностью. В эти дни тебя ждет большое испытание. Самые слабые твои стороны – женщины и алкоголь... Теперь, когда ты с искренней решимостью стремишься к духовным высотам, попытаются завлечь тебя ими и, снова запачкав твою душу, заставить скатиться вниз. Если не сумеешь пройти испытание, тебя ждет страшное наказание... – Лилит строго поглядела на мужа.

– Какое наказание?.. – Салават настороженно уставился на нее.

– Если оступишься, в качестве наказания заберут меня...

У Салавата внезапно похолодело на сердце. В мозгу заворошились лихорадочные мысли: «О Аллах, не покарай меня так жестоко! Как же избежать таких хитрых ловушек в виде женщин? Хоть на улицу не выходи... Ведь я от чистого сердца зарекся не совершать такие грехи! И всей душой убежден, что сдержу слово... Я же научился обуздывать свои низменные страсти. Уже понял: если жаждешь побед, вначале нужно победить себя...

О Всевышний, прошу Тебя, дай мне твердость духа, чтоб я смог одержать полную победу над самим собой!»

* * *

Нелегко труд простого (в отличие от блатного) предпринимателя – барыши ему с неба не падают. Чтоб добыть свой хлеб с маслом и икрой, он вынужден рыскать как гончая собака. Наемный работник возвращается домой и подобно обычному школьнику, швыряющему ранец в угол, забрасывает «мешок» должностных обязанностей в сторону и не вспоминает о нем до следующего дня. Более того, даже на рабочем месте находит возможность улаживать личные дела. А нескончаемые проблемы коммерсанта плетутся вслед за хозяином к нему домой. Даже когда ляжет спать, не оставляют в покое – теснее законной жены обхватывают за шею. А если уснет, бесцеремонно вторгаются в сны.

Желая хоть ненадолго отвлечься от рискованных проектов и забот российского дикого бизнеса, предприниматели «расслабляются» кто во что горазд: одни налегают на спиртное, кто-то путается с чужими женщинами, некоторые просаживают деньги в казино, другие, убегая на лоно природы, рыбачат или охотятся.

Несмотря на субботний день, Салават мотался по городу, когда позвонил Марат, друг детства: «Привет! Вот приехал из Уфы. Собрался в сауну с хорошими людьми, тебя тоже приглашаю». Сначала чуть было не согласился от радости. Да и давно не виделись. Хорошо еще, что в голове щелкнуло вчерашнее предостережение жены, и он улыбнулся про себя: права была Лилит...

Повстречавшиеся на улице женщины тоже обворожительно улыбались ему. Прежде Салават ни за что не прошел бы мимо... Однако сейчас нельзя предаваться даже греховным мечтам о них.

О Всевышний, и почему Ты сотворил женщину настолько прекрасной, грациозной и соблазнительной?!.. Сколько раз за рулем, заглядевшись на красоток, Салават чуть не врезался в придорожные столбы? Бывало, и будучи пешком заглядывался на них так, что натыкался на что-нибудь. Пару раз даже набивал шишки на лбу или новехонькими туфлями забредал в грязную лужу.

А теперь Салават просто удивляется: как он смог измениться за такой короткий срок? Еще совсем недавно, завершив дневные дела, он будто на крыльях мчался к любовницам. А нынче уже торопится побыстрее вернуться домой и встать под каналы.

Да и здорово, оказывается, когда чист перед женой: не надо юлить, изворачиваться и оправдываться. Если одна часть его человеческой сущности поражалась, недоумевала, была недовольна произошедшим в нем переменам, то другая, находящаяся в самом центре, – испытывала искреннюю радость и упоение.

На сегодняшнем сеансе тоже произвольно выполнял разные упражнения, в том числе дыхательные, и массировал биологически активные точки. Затем долго потирал указательным пальцем точку на груди. Вскоре перед глазами возник огненный шар. Салават решил, что это чакра. В этот момент сверху полился приглушенный свет, и привиделись разные картины. Показали тот загадочный знак, сверкающий на небосводе. Не очень отчетливо проплыл по звездному небу Иисус Христос, пригвожденный к золотому кресту. Временами мелькал образ Мариам-ана – Девы Марии. Снова появился тот таинственный символ, он сменился потоком света, спиралью поднимающегося ввысь. Вот прошла толпа людей в нарядных национальных одеждах разных народов.

Салават не мог понять разумом и сердцем все картины и видения, представавшие перед ним во время сеансов. Увы, он не имел даже минимальных религиозных знаний. Интересно, сколько уже поколений людей с высшим образованием, но абсолютных неучей по части духовных знаний выросло уже после Октябрьской революции?..

Перед глазами долго стояла картина: в протянутых ему сверху ладонях горит огонь, словно факел. Руки видно смутно, а пламя яркое. Поняв, что этот огонь предлагает ему, Салават обрадовался. После обращения с мольбой к Богу, семь раз произнес слово «аминь». В тот момент нисходящий свет стал ярче.

Внезапно вспомнил: предстоит серьезное испытание... Хорошо, если он сможет с честью пройти все преграды.

Честь и совесть... Видно, истинная совестливость, чистота души остались в далекой стране детства. Солнце тогда светило ярче, небо было голубее, трава и деревья зеленее, ветер нежнее, воздух свежее... Весь мир воспринимался как несравненное чудо.

Такое же ощущение душевной чистоты возникало, когда он в молодости упорно писал картины в родном ауле. Быть может, предстоящее посвящение вернет то дивное состояние?.. После посвящения он и примется за живопись.

Воскресенье прошло как обычно. Съездив в торговый центр, купили дочерям одежду. Вернулись домой – а там Габдразак, кайнага¹⁰ Салавата, привел жену показать Лилит.

Салават собрался было вздремнуть, но не успел прилечь. Зазвонил телефон, и в трубке раздался зычный голос заслуженного художника России Ильгама Юмбаева – Приветствую, Салават!

– Здравствуй, Ильгам-агай.

– Я тебя вот по какому вопросу беспокою: хотел нагряться к вам с поллитровочкой...

Недолго думая, Салават ответил прямо:

– Эх, Ильгам-агай, я тут в баню собрался. Если хочешь, пойдем в баню вместе.

– Я уже помылся вчера. А нынче хотел с тобой потолковать. Ну, хорошо, успеем еще, будь здоров. – Мэтр положил трубку. Разговор лег тяжестью на душе Салавата: похоже, обидел он агая... Ладно, может, и не обидится. Ведь в угоду другому нарушать собственные планы, наверное, тоже не годится.

Салават лишь в одиннадцать ночи вернулся из бани и встал под канал.

На сеансе падающий сверху свет был намного слабее вчерашнего. Видений тоже было мало: несколько раз промелькнул тот знак, крест и золотогривый конь. Да, еще трижды показали младенца в пеленках...

Похоже, в сегодняшних видениях не было разнообразия и выразительности из-за душевного состояния Салавата. Настроение испортила Лилит. Опять завела ту же волюнку: «Будучи под каналом Миди я попросила помочь прекратить воровство Рустама из дома. Мне ответили: перестанет муж тратить деньги на стороне, тогда и сын образумится. Значит, ты и после Зульфии имел любовницу!». Ох, и вцепилась в него как бешеная собака...

Хорошо еще, Салават не стал с ней ругаться. Лишь в голове всколыхнулись укоризненные мысли: «Лилит грубо нарушила наш уговор: мы условливались, что она не будет злоупотреблять экстраординарными способностями в наших отношениях. Ну, никак не может бросить привычку вынюхивать. Признаю прежнюю вину, но я давно уже чист перед ней и решил больше никогда не изменять! Так обрыдли эти ссоры, от ее разборок мне уже белый свет не мил. Неужели она не сможет простить меня и всю жизнь будет попрекать за прежние измены?..»

¹⁰ Кайнага – старший брат жены.